

ПОДОЛЬСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

(ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ)

Выходятъ еженедѣльно по
субботамъ.

Цѣна 5 руб. въ годъ съ пе-
ресылкой.

27 декабря

№ 51—52.

1897 года.

Препровожденіе Рождественскихъ праздниковъ въ приходахъ Подольской епархіи и возможное вліяніе церковныхъ школъ на облагороженіе традиціонныхъ народныхъ увеселеній на святкахъ.

Уже за нѣсколько дней до Рождества Христова начинаются по селамъ дѣятельныя приготовленія къ этому торжественному празднику. Первымъ признакомъ близости святокъ служитъ повсемѣстное бѣленіе хатъ снаружи и внутри: затѣмъ моются столы, лавки, чистится посуда; почти въ каждомъ хозяйствѣ убивается къ празднику свинья; приготовляются колбасы и „гышкы“—любимое кушанье подолянъ; за два—три дня начинается печеніе и варенье разныхъ снѣдей специально къ *святому вечеру*: пекутся кныши и пироги, варится и жарится разнаго рода рыба, готовятся разнородные вареники, а главное готовится *кутья и узваръ*. Кутья обычно бываетъ изъ пшеничныхъ зеренъ съ медовою сытою и растертымъ макомъ, а узваръ („зваръ“, „варъ“) — нѣчто въ родѣ компота изъ сушеныхъ яблокъ, грушъ, вишенъ и по преимуществу сливъ. Но вотъ наступаетъ канунъ Рождества. Вечеръ 24 декабря называется „*святымъ вечеромъ*“, потому что онъ предшествуетъ святейшей ночи, когда родился Спаситель міра. Благочестивые люди, слѣдуя преданіямъ старины, во весь день кануна Рождества не вкушаютъ никакой пищи, пока не появится на небосклонѣ первая *звѣзда*. Еще до появленія звѣзды поселяне одѣваются по-праздничному и идутъ въ церковь на вечерню. Всенощной въ этотъ день нигдѣ въ селахъ не служится. По возвращеніи изъ цер-

кви въ хату, убранную по-праздничному, собирается вся семья и начинаются приготовленія къ ужину или „вечерь“. Вечеря эта, совершаемая обычно всей семьей, имѣеть религіозно-традиціонный характеръ и сопровождается нѣкоторыми особыми обрядами. Одинъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ—это „*ставитъ кутью на покути*“. Для этой цѣли хозяинъ или кто-либо изъ мужскихъ членовъ семьи приносить изъ сарая свѣжаго сѣна и разстиляетъ его на столѣ и на „покути“—въ переднемъ углу, подъ образами; передъ образами зажигается обычно лампадка, гдѣ она имѣется, или восковая свѣча; иконы завѣшиваются вышитыми „рушныками“, или полотенцами; столъ покрывается чистою скатертью. Затѣмъ старшій сынъ неженатый или мальчикъ беретъ съ „припичка“ обрядовыя кушанья кутью и узваръ и торжественно переноситъ ихъ на покуть, при чемъ хозяинъ иногда приговариваетъ: „цобъ кутя на покуть, а узваръ на базаръ“. При этомъ обычно мальчикъ кудахчетъ, какъ курица, а хозяинъ беретъ его слегка „за чупрыну“. Дѣлается это, будто, затѣмъ, чтобы куры лучше неслись. Потомъ хозяинъ обычно ставитъ въ переднемъ углу снопы пшеницы или ржи, а хозяйка на покути устанавливаетъ другія снѣди: пироги, кныши, хлѣбъ и пр. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть сосновый или еловый лѣсъ, тамъ въ каждой хатѣ за образами или на покути можно видѣть въ это время зеленѣющія вѣтки сосны или ели, а гдѣ его нѣтъ, тамъ на „покуть“ ставится „въ глечикѣ“, или кувшинѣ, проросшая вишневая вѣтка. Вѣтка эта, какъ и еловая, имѣющая особое мистическое значеніе, срѣзывается молодыми „дивчатами“ еще въ день великомученицы Екатерины и хранится въ кувшинѣ, наполненномъ

водой, гдѣ она ко дню Рождества Христова и прорастаетъ. Можно полагать, что эта вѣтвь, какъ и елка, знаменуетъ обновленіе природы и неоскудѣвающую милость Божію къ людямъ. Наконецъ, ко всему этому приносится солома и ею устилаютъ полъ; солома эта называется „дидухъ“.

Установивши все на покути, какъ требуется обрядомъ, вся семья обычно молится Богу. Хозяинъ читаетъ „Богородице“ и „Отче нашъ“, а если знаетъ, то и „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“,—и садится, затѣмъ, за столъ, куда усаживаются и всѣ члены семьи, а также и бездомные люди, не имѣющіе у себя „святой вечери“, или одинъ-два изъ квартирующихъ въ селѣ солдатъ. Считается въ этотъ вечеръ весьма душеспасительнымъ дѣломъ раздѣлять трапезу съ неимущими. Прежде всего ставятъ на столъ „макитру“ съ кутьей и „горщикъ“ съ узваромъ. Начинаютъ ѣсть кутью *), знаменовавшие себя крестнымъ знаменіемъ; при чемъ хозяинъ говоритъ: „слава Богу, що дочекалыся сего святого вечера; дай, Боже, его опровадыты, и на той рикъ другого дочикаты“. Во время ѣды кутьи кто-нибудь изъ сотрапезниковъ беретъ въ ложку кутьи, бросаетъ ее вверхъ къ потолку, приговаривая: „морозе, морозе, иды кутью йисты“,—а прочіе члены стараются поймать въ руку зерна кутьи, отскакивающіе отъ потолка, въ наивномъ предположеніи, что чѣмъ больше пшеничныхъ зеренъ окажется въ рукѣ, тѣмъ болѣе онъ

*) „Святая вечера“ имѣетъ поминальный характеръ, почему прежде всего кушается кутья, какъ на парастасахъ, или поминальныхъ обѣдахъ. Кутью оставляютъ на ночь съ ложками въ макотрѣ для умершихъ родственниковъ; по народному вѣрованію, на стѣнѣ бываютъ видны смутныя очертанія маленькихъ, какъ куклы, людей, спускающихся къ столу, къ макотрѣ съ кутьей.

поймаетъ въ наступающемъ году пчелиныхъ роевъ. Слѣды, оставляемые на потолокъ отъ брошенной вверхъ изъ ложки кутьи съ макомъ, обычно виднѣются тамъ долгое время почти въ каждой хатѣ, а въ иныхъ остаются до Пасхи, когда за нѣсколько дней до этого праздника также происходитъ капитальная побѣлка хатъ. За кутьей обыкновенно кушаютъ узваръ, а послѣ него—что Богъ послалъ: рыбу вареную, печеную, пироги, вареники, борщъ, кашу и проч. Вечеря продолжается довольно долго; предъ каждымъ кушаньемъ чарка обходить въ круговую всѣхъ членовъ отъ мала-до-велика. Что замѣчательно, даже дѣтямъ въ этотъ день разрѣшается пить водку—въ томъ предположеніи, что чѣмъ ребенокъ болѣе будетъ пить на святой вечера, тѣмъ менѣе будетъ любить пить водку, когда вырастетъ. За этой святой вечерей обычно не допускается разныхъ шутокъ и прибаутокъ, и вообще проводится она въ молчаніи, большею частью воспоминаются отсутствующіе почему-либо члены семьи, напр. сынъ, отбывающій воинскую повинность, дочь, вышедшая замужъ,—вспоминаются и отшедшіе въ вѣчность родные и близкіе знакомые. Наконецъ, ужинъ окончился. Послѣ трапезы несутъ „вечерю“ изъ одного кныша, пирога, жареной рыбы, разнымъ лицамъ—роднымъ, кумовьямъ, бабкѣ-повитухѣ, а въ нѣкоторыхъ селахъ и священнику. Крестному отцу или матери, а также бабкѣ-повитухѣ, несетъ самъ ребенокъ, если онъ большой, а если маленькій, то вмѣсто него несетъ вечерю мать, старшій братъ или сестра. Къ священнику съ вечерей обычно являются школьники, а изрѣдка и сами хозяева. Ребенокъ, принесшій „вечеру“, обычно говоритъ: „просятъ батько, мама (или дядько,

дядына), и я прошу на вечеру“. Въ опорожненную миску принявшіе вечерю кладутъ нѣсколько денегъ, насыпаютъ ее крупной или зерновымъ хлѣбомъ; священникъ обычно даетъ просфору, которыхъ матушкой много готовится къ святому вечеру; также принесшему вечерю даютъ конфетъ, орѣховъ и пряниковъ. Ношеніе и пріемъ „вечеръ“ продолжается далеко за полночь. Въ эту ночь, какъ и пасхальную, огней не принято тушить, и спать вообще мало или вовсе не спать. Существоуетъ у вѣрующихъ людей убѣжденіе, что кто Филипповъ постъ провелъ строго и не спитъ наканунѣ Рождества, тотъ, если Богъ благоволитъ, можетъ увидѣть въ полночь востокъ, залитый неизреченнымъ свѣтомъ, и сонны ангеловъ, ликующихъ и воспѣвающихъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“. Къ тому же крѣпко утвердилось въ народѣ повѣрье: „хто въ такую нчъ, пидъ таке вельке свято, спытъ,—говорятъ поселяне,—той царство небесне проспытъ“.—Мало, правда, пришлось бы и спать въ эту ночь, потому что почти во всѣхъ селахъ церковная служба на Рождество начинается очень рано: въ 2—3 часа ночи служится заутреня, предваряемая великимъ повечеріемъ. На этой службѣ старъ и младъ обязательно присутствуютъ въ церкви; а съ разсвѣтомъ начинается уже и литургія. Въ этотъ праздникъ, какъ и на Пасху, бываетъ въ церквахъ такъ много народа, что опоздавшимъ къ службѣ приходится стоять на „цвынтарѣ“, возлѣ церкви, на сильномъ иногда морозѣ, почему каждый старается по звону благовѣста поспѣть въ церковь.

Споконъ вѣку на праздники Рождественскіе какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, допускались особыя

„дѣйства“ и пѣснопѣнія, частію для прославленія рожденнаго Спасителя міра, а частію—по народному выраженію—„щобъ димъ звеселыты“. Начиная съ кануна Рождества Христова и кончая „Водохрыщами“, въ селахъ и городахъ замѣтно особое оживленіе. Здѣсь и тамъ обычно „колядуютъ“ и „щедрують“; прежде ходили съ „вертепомъ“, а теперь больше „со звездой“; въ селахъ по улицамъ водятъ „ряженныхъ“, и это извѣстно подъ именемъ водить „козу“, которая подъ Новый Годъ смѣняется „маланкой“ (31 декабря—пр. Меланіи). Въ иныхъ домахъ устраиваются „елки“.

„Вертепомъ“ назывались представленія, имѣющія цѣлю изобразить Рождество Христово и связанныя съ нимъ событія. Этотъ родъ духовно-театральныхъ представленій былъ очень популяренъ въ нашей мѣстности, и только въ послѣднія десятилѣтія началъ исчезать. Серьезность представленія „вертепнаго дѣйства“ не помѣшала проникнуть въ него народному юмору. Въ лицѣ пастуховъ, Ирода, воиновъ, избивающихъ младенцевъ, и др. нерѣдко воплощались типы чисто мѣстнаго характера. „Вертепъ“ представляетъ собою небольшой деревянный ящикъ или домикъ въ два яруса: въ верхнемъ представляется серьезная (духовная) часть „дѣйства“, а въ нижнемъ—интермедія *). Искусною рукою вертепщика, скрытаго позади, незамѣтно для зрителей, приводятся въ дѣйствіе куклы и фигурки—сперва въ верхнемъ ярусѣ, потомъ въ нижнемъ,—за которыхъ самъ вертепникъ говоритъ что нужно, всякій разъ измѣняя свой голосъ. Предъ пред-

*) аккой ящикъ недавно продавался въ Каменцѣ за 25 руб. со всѣми принадлежностями, относящимися къ вертепному дѣйствію.

ставленіемъ обычно носителями „вертепа“ исполняется нѣсколько колядокъ и набожныхъ пѣсенъ; потомъ начинается самое „дѣйство“. На сцену прежде всего является пономарь, приглашающій всѣхъ возвѣстить о рожденіи Спасителя. Дѣйствіе сопровождается рядомъ священныхъ пѣсенъ, прерываемыхъ отдѣльными явленіями, въ которыхъ изображается: поклоненіе пастуховъ, Ирода и три волхва, избіеніе младенцевъ, плачь Рахили и смерть Ирода, котораго дьяволъ тащитъ въ адъ. Затѣмъ дѣйствіе переходитъ въ нижній ярусъ. Здѣсь прежде всего появляются фигурки дѣда и бабы, которые, не боясь умершаго Ирода, пляшутъ подъ звуки извѣстной пѣсни: „Ой пидь вышенькою, пидь черешенькою“. За дѣдомъ съ бабой обычно является солдатъ, держащій къ зрителямъ рѣчь, въ которой умышленно коверкаетъ великорусскій говоръ: „Я солдатъ простой, не богословъ, не знаю грѣшныхъ словъ. Хотя я отечеству суть защита, но спина въ мене избита. Читать и писать не вмѣю, а говорю, что розумѣю“, и проч. На смѣну солдату является цыганъ съ женой и сыномъ. Цыганка на цыганѣ вымещаетъ злобу за свою бѣдность, ссора переходитъ въ драку, но дѣло оканчивается миромъ и пляской, которая сопровождается рѣчью вертепщика, осмѣивающею бродячую жизнь. Затѣмъ на сценѣ появляется полякъ—грозный помѣщикъ, хвастунъ, гордящійся своими предками. Полякъ съ женой обычно танцуетъ краковякъ. Появляется за спиной поляка мальчикъ, который передразниваетъ его, и эта сцена оканчивается грозною рѣчью гнѣвнаго пана, который кричитъ къ мальчику: „А пуйдзь до дзябла, лайдакъ! батогамі забіе“. Брань пана умолкаетъ при появленіи запорожца, главнаго героя пьесы.

Онъ поетъ любимую малороссійскую пѣснь: „Та не буде лучше, та не буде краше, якъ у насъ на Вкраини: що не мае жиды, та не мае ляха, не мае уніи“. Съ появившимися на сценѣ жидомъ и ляхомъ козакъ расправляется по своему: ляха убиваетъ, а жиды отдастъ чорту, съ которымъ онъ за-панибрата: онъ даже булавой понукаетъ чорта скорѣе убрать жиды. Появляется уніатскій священникъ, который увѣщаетъ казака ходить въ костелъ и бить побольше поклоновъ; казакъ отвѣчаетъ дерзко: „отъ роду я въ костелъ не ходилъ и поклоновъ не билъ, за то тебе побью“, что и исполняетъ. Въ заключеніе появляется на сценѣ панъ бакаляръ, или дьячекъ, которому крестьянинъ за ученіе сына даритъ старую никуда негодную свинью. Бакаляръ, увѣренный, что падулъ мужика, съ напыщенною благодарностью принимаетъ подарокъ и уводитъ свинью со сцены, чѣмъ представленіе и оканчивается. Малорусское вертепное дѣйство составлено студентами Кіевской академіи, въ прошломъ вѣкѣ; а отраженіе въ вертепныхъ піесахъ дѣйствительной жизни было главною причиною той быстроты, съ которою вертепы распространились по всей Малороссіи и даже Великой Россіи. Въ настоящую пору въ селахъ „вертепщики“ съ своими „вертепами“ уже не встрѣчаются; изрѣдка только попадаются въ городахъ. Можно полагать, что типъ вертепщика скоро окончательно выродится, такъ какъ изображеніе дѣйствительной жизни, особенно съ комической ея стороны, естественно не можетъ быть одобряемо.

Въ настоящее время въ городахъ и селахъ „вертепъ“ смѣнился „звѣздой“, которая представляетъ собою

громадный фонарь, сдѣланный на подобіе луны или звѣзды и освѣщенный внутри. Съ „звѣздой“ по ночамъ Рождественскихъ праздниковъ ходять обычно „колядники“, которые раздѣляются на нѣсколько категорій. Они, войдя въ домъ или подъ окна, спрашиваютъ позволенія поколядовать такими словами: „чи позволыты, пане гос-подарю, заколядоваты, сей домъ звеселыты, Ирода за-смутыты“. Разрѣшеніе, конечно, дается; начинается ко-лядованье, при чемъ одинъ изъ колядниковъ вертитъ „звѣзду“ на палкѣ, на которой она прикрѣплена. Всѣхъ колядниковъ хозяева обыкновенно одѣляютъ книшами, калачами и деньгами. На первый или второй день Рож-дественскихъ праздниковъ является къ священнику груп-па въ 20-30 человѣкъ колядниковъ, состоящая изъ воз-растныхъ мужей—обычно попечителей или братчиков—и просятъ благословенія колядовать по селу. Колядники показываютъ свое искусство предъ батюшкой; угоща-ются, чѣмъ Богъ послалъ, получаютъ отъ церковнаго старосты, здѣсь присутствующаго, „карнавку“ (кружку) и колокольчикъ, а отъ священника нѣсколько денегъ въ карнавку „на починъ“ и нѣсколько калачей или пе-ченыхъ хлѣбовъ. Эти славильщики Христа, являясь въ домъ колядовать, собираютъ въ карнавку деньги на братство или попечительство церковное; получаютъ так-же въ каждой хатѣ, кромѣ угощенія, два хлѣба или калача, которые потомъ продаются, и деньги обычно по-ступаютъ въ братство или попечительство, которое на нихъ приобрѣтаетъ обыкновенно хоругви. Въ каждомъ селѣ непременно въ большемъ или меньшемъ количе-ствѣ имѣются „колядниція“ деньги, которыя никогда не смѣшиваются съ церковными; а въ каждой церкви

есть нѣсколько хоругвей, пріобрѣтенныхъ специально на эту сумму. Такъ какъ хоругвей въ многочисленныхъ приходахъ есть весьма достаточно, то священники на „колядныцки гроши“ иногда пріобрѣтали и другія вещи изъ церковной утвари или присоединяли ихъ къ братскимъ или попечительскимъ суммамъ; но это очень часто встрѣчало протестъ со стороны прихожанъ, и даже возникали дѣла по этому поводу. Независимо отъ этого разряда колядниковъ, которые ходятъ съ церковными „звонками“, которыми всегда звонятъ возлѣ хаты, предупреждая свой приходъ, въ селахъ обычно, по обходѣ села съ колядой братчиками, является нѣсколько группъ колядниковъ изъ подростковъ, изъ которыхъ одни ходятъ со „звѣздой“, другіе—съ „козой“, перебѣгая изъ хаты въ хату и увеселяя простой народъ. Эти уже собираютъ гроши и кныши въ свою пользу, которыми потомъ дѣлятся, а на деньги пріобрѣтаютъ нѣкоторыя вещи своего домашняго обихода, которыми очень дорожатъ. Тѣ, что ходятъ со „звѣздой“, еще поютъ пѣсни, имѣющія отношеніе къ празднику, напр.: „Звѣзда ясна возсіяла, тремъ царямъ путь показала“... и проч.; тѣ же, что ходятъ съ „козой“, не поютъ никакой религіозной, или „набожной“, пѣсни, а только пѣсни житейскаго и юмористическаго содержанія. Какъ примѣръ пѣсней, которыя поются колядниками съ „козой“, можно указать слѣдующую:

„Го-го-го коза, го-го-го сира,

Ой расходишься, розвысылишься,

При сіому двору, при господару!

Де коза ходыть, тамъ жыто родыть,

Де не буває, тамъ вылягае;

Де коза тупъ-тупъ,
Тамъ жыта симъ купъ;
Де коза рогомъ, тамъ жыта стогомъ;
Де коза хвостомъ, тамъ жыта кустомъ... и проч.

Иногда бываетъ. что нѣкоторые извѣстные колядки, отличающіяся серьезностію содержанія, обращаются въ шуточные; такъ напр., начнутъ пѣть: „Выдыть Богъ, выдыть Творецъ“ и продолжаютъ:

„Що вкравъ мужыкъ жыта корецъ.
„И пшеныци на паляныци,
„И гороху также троху,
„И ячменю также зъ жменю... и проч.

При распѣваніи такихъ пѣсней, старые и молодые хохочутъ, щедро награждаютъ пришедшихъ съ козой, которые несравненно больше собираютъ, чѣмъ ихъ соперники съ звѣздой. Но что такое „коза?“ „Коза“, какъ и древняя колада, безспорно языческаго происхожденія. Козу дѣлаютъ изъ дерева, а туловище покрываютъ кожей, шерстью наружу; уши дѣлаютъ изъ колосьевъ, рога изъ соломы или дерева; козу поддерживаетъ скрытый подъ шубой мужичекъ. Козу водятъ съ музыкой, подъ звуки которой она пляшетъ, при чемъ нѣкоторые пѣвцы надѣваютъ на себя маски и представляютъ уродливыя рожи. Подъ козой разумѣется нѣкоторое мифическое существо, въ родѣ фавна, по виду козлообразное, олицетворявшее, по представленію язычниковъ, плодородіе почвы. Въ другихъ мѣстахъ коза переродилась въ „маланку“—переряженнаго въ женское платье мужчину. „Маланка“ подъ Новый годъ также водится цѣлую ночь по селу, скачетъ и пляшетъ подъ

пѣсни или музыку; но пѣсни тогда поются особыя, извѣстныя подъ именемъ „щедривокъ“, такъ какъ въ этихъ пѣсняхъ часто высказывается пожеланіе хозяевамъ „щедраго“ года на всѣ предметы хозяйскаго обихода. Щедруютъ обычно дѣти-мальчики, рѣдко дѣвочки, въ ночь подъ Новый годъ, а утромъ въ этотъ день бѣгають по хатамъ „посѣвать“. Для этого они набирають въ отцовскую „рукавыцю“ смѣшанныхъ зеренъ ржи, пшеницы, гороху, проса и проч. и въ каждомъ домѣ обсыпають хозяина и хату, приговаривая: „на щастя, на здоровье, та на нове лито; роды, Боже, жыто, пшеницю и всяку пашныцю. День добрый, будьте здорови зъ новымъ рокомъ“. Иногда ходитъ „маланка“ посѣвать; ее обыкновенно просятъ сѣсть на лавкѣ, говоря: „Сядь же у насъ та посыдь, щобъ у насъ все добро садылось: куры, гусы, качкы, рои и старосты“ (сваты). Посѣвальщиковъ обычно награждаютъ грошами и калачами.

Наконецъ, къ праздничнымъ развлеченіямъ слѣдуетъ отнести и „рождественскую елку“, устрояемую для дѣтей по преимуществу горожанами, хотя въ послѣднее время елка проникаетъ въ села и деревни, устраивается даже въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ. Съ глубокой древности у христіанъ сдѣлалось почти всеобщимъ обыкновение на Рождество Христово, въ одинъ изъ рождественскихъ вечеровъ, освѣщать дерево или вѣтвь, убранную плодами, — обыкновенно позолоченными яблоками, орѣхами и разнаго рода украшеніями. Значеніе этой елки усматривается изъ того, что предъ Рождествомъ Христовымъ, въ недѣлю праотецъ, воспоминаются наши прародители Адамъ и Ева, которые вкусили запрещеннаго плода съ

райскаго дерева и чрезъ дерево доставили намъ въ удѣлъ проклятiе и смерть; родившiйся же Христосъ и пострадавшiй на древѣ крестномъ—чрезъ дерево также далъ намъ благословенiе и жизнь вѣчную. Въ елкѣ рождественской такимъ образомъ заключена мысль христіанская о спасенiи нашемъ въ Христѣ, о паденiи и возстановленiи человѣка (1 Кор. 15, 22; 1 Петр. 2, 24). Св. Амвросiй Медиоланскiй (IV в.) въ толкованiи на Пѣснь пѣсней говоритъ: „Ты сдѣлался чрезъ Адама сухимъ деревомъ, теперь же, по милосердію Христа, ты—благородное плодоносное дерево“. Уже древнiе христіане имѣли въ своихъ домахъ въ день Рождества Христова зеленныя вѣтви, которыя сохраняли еще съ лѣта. Причиною того, что именно къ Рождеству Христову привязана въ христіанствѣ мысль о зеленѣющемъ деревѣ, можно считать также древнее преданiе, записанное у перковнаго историка Созомена: „Разсказываютъ, что въ египетскомъ городѣ Гермополисѣ росло дерево, называемое персисъ, котораго плоды, листья и кора имѣли чудесную силу исцѣлять болѣзни. И эту силу дерево это получило оттого, что, не смотря на свою громадность, преклонилось предъ Младенцемъ Іисусомъ до земли, когда св. Семейство бѣжало во Египетъ отъ Ирода“. Въ виду того, что рождественская елка имѣетъ такое важное символическое значенiе и не заключаетъ въ себѣ ничего языческаго, остается пожелать самаго широкаго ея распространенiя не только въ городахъ, но и въ глухихъ деревняхъ.

Существенною частью Рождественскихъ праздниковъ служить „*коляда*“, подъ которою разумѣется какъ рождественская величальная пѣсня, такъ и самое славленiе,

самый обходъ съ такими пѣснями домовъ поселянъ. Колядуютъ всѣ: и старики и молодые, парни и дѣвицы, и церковные братчики, что дѣлаютъ обходъ прихода со „звонкомъ“, и мажчишки, что ходятъ со „звѣздой“, и парни, что водятъ „козу“ или „маланку“. Сама коляда, какъ показываетъ и латинское ея названіе, безспорно языческаго происхожденія, но подѣ влияніемъ христіанства приняла она церковный характеръ и, пріютившись подѣ сѣнь Церкви, поется на церковный ладъ. Съ языческой колядой духовенство разныхъ исповѣданій въ теченіе вѣковъ усиленно боролось и достигло того, что колядки чисто народныя во многихъ мѣстахъ вывелись изъ употребленія, уступивъ мѣсто свое пѣснопѣніямъ рождественскимъ, составленнымъ съ цѣлью прославленія рожденнаго Христа и въ воспоминаніе о разныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ это великое чудо. Но разныя набожныя пѣсни, которыя поются въ приходахъ съ 24 дек. по 6 янв., переходя изъ устъ въ уста безграмотнаго народа, подверглись съ теченіемъ времени разнымъ искаженіямъ. Народные пѣвцы много привнесли въ нихъ своего мірскаго элемента, а нѣкоторые исковеркали до неузнаваемости. Поютъ, напр., что Творецъ-Богъ „Архангела Гавріила въ *лазаретѣ*“ (вмѣсто Назаретъ) посылаетъ, — „возвистыты въ *лазарети*“ и проч. Или воспѣваютъ, что „въ *Гаврусалыми*“ (вмѣсто въ Іерусалимѣ) весела новына: Пречыста Дива породила Сына“ и проч. Кромѣ разныхъ мелкихъ искаженій, колядники изъ народа допускаютъ и разныя крупныя, явно свидѣтельствующія, что въ народномъ сознаніи все болѣе и болѣе начинаетъ утрачиваться надлежащій смыслъ рождественскихъ набожныхъ пѣснопѣній. Такъ напр., въ из-

вѣстной колядѣ: „Выдѣть Богъ, выдѣть Творецъ“... въ народномъ ея переложеніи совершенно утрачено значеніе плача Рахили о чадахъ, которая „не хотяше—по выраженію евангелиста—утѣшиться, яко не суть“; даже самага имени ея не упоминается.... Если допустить дальнѣйшее искаженіе рождественскихъ набожныхъ пѣснопѣній, то можно думать, что онѣ совершенно вытѣснятся изъ употребленія и замѣняются пѣснями мірскаго содержанія; въ этомъ отношеніи это будетъ какъ-бы поворотъ къ язычеству, что рельефно доказывается существованіемъ по нѣкоторымъ селамъ страннаго обычая водить по домамъ на праздникахъ „козу“, перекрещенную въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ „маланку“, и пѣть дикія пѣсни о козѣ. Во избѣжаніе этого печальнаго явленія, мы приведемъ три пѣсни на Рождество Христово въ надеждѣ, что школьники и колядники вообще разучатъ ихъ и будутъ прославлять рожденнаго Христа, а не воспѣвать „козу“ и „маланку“. Пѣсни эти, хотя и самыя употребительныя въ приходахъ, но искажены до неузнаваемости.

А.

1. Небо и земля, небо и земля нынѣ торжествуютъ;

Ангелы людемъ, ангелы людемъ весело спразднуютъ:

Христось родился, Богъ воплотился,

Ангелы спѣвають, царіе витають,

Поклонъ отдають, пастыріе грають,

Чудо, чудо повидають.

Этотъ при-
пѣвъ повто-
ряется по-
слѣ каждыя
двухъ строкъ.

2. Во Виѣлеемѣ, во Виѣлеемѣ весела новына:

Чистая Дѣва, чистая Дѣва породила Сына;

Припѣвъ: Христось родился...

3. Слово Отче, Слово Отче взяло на Ся тѣло,

Въ темнотахъ земныхъ, въ темнотахъ земныхъ
Солнце засвѣтило.

Припѣвъ: Христось родился...

4. Ангели служатъ, ангели служатъ рожденному Царю,
И во вертепѣ, и во вертепѣ творять Его волю.

Припѣвъ: Христось родился...

5. Тріе царіе, тріе царіе отъ востокъ приходятъ,
Смирну и ливанъ, смирну и ливанъ и злато приносятъ.

Припѣвъ: Христось родился...

6. Царю и Богу, Царю и Богу тое даруютъ,
Пастыри людямъ, пастыри людямъ дивну пѣснь сказуютъ;

Припѣвъ: Христось родился...

7. И мы рожденну, и мы рожденну Богу поклонъ даймо,
Слава во вышнихъ, слава во вышнихъ—Ему заспѣваймо;

Припѣвъ: Христось родился...

Б.

1. Видѣ Богъ, видѣ Творецъ, що весь міръ погибаетъ,
Архангела Гаврііла въ Назаретъ посылаетъ,
Возвѣстити тайну ему: Богъ приходитъ къ Виѣлеему;
О, красный градъ Виѣлеема, сей отверзъ намъ Едема.

2. Незаходимое солнце имѣло возсіяти

Отъ Дѣвы и тьму языковъ невѣрія разгнати;
Звѣзда тое возвѣстила, царямъ чужимъ путь явила,

Отъ Персиды тріе цари идутъ ко Христу со дары.

3. Ливанъ, смирну, злато, дары Ему принесоша,
И принеши во храмину, на колѣна падоша.

Продъ весьма засмутился, що Христось-Царь на-
родился;

Слуги свои посылаетъ, на смерть Его шукаетъ.

4. Четыренадесять тысячъ дѣтей малыхъ забити
Повелѣлъ, даже своего сына не пощадити.

- Немовлята забиваетъ и самъ себѣ посрамляетъ,
А праведны, якъ финики, процвѣтають на вѣки.
5. Рахиле, твоихъ чадъ избитыхъ престани плакати;
Ахъ! якъ могу перестати я, печальная мати:
Иродъ чада убиваетъ, во мнѣ сердце умлѣваетъ,
Сердслюбная азъ мати, якъ мнѣ не рыдати?
6. Не плачь, не плачь, о Рахиле, и не рыдай отнынѣ,
Не розноси смутныхъ гласовъ по глубокой пустыни;
Сыны твои съ Христомъ жиють, дщери сыновъ
возьимѣють;

- Кто ся на Бога надѣеть, родъ его не оскудѣеть.
7. Иродъ убо и люциперъ во адѣ вѣчнующь,
Тріє царіє, обрѣтши Христа, съ Нимъ царствуютъ.
Немовлята убієны, вѣнцемъ славы украшены;
Мы всѣ съ того веселимся, Христови поклонимся.

В.

- Нова радость стала, яка не бывала: (2 раза)
Звѣзда ясна надъ вертепомъ свѣтлымъ возсіяла,
Гдѣ Христосъ родился, зъ Дѣвы воплотился, (2)
Якъ человекъ пеленами убого повился.
- Ангели спивають, „Слава“ восклицаютъ, (2)
На небеси и на земли покой возглашаютъ.
Давидъ выгравае, въ гусли ударяе, (2)
Мелодійно и правдыво Бога выхваляе.
- И мы тожъ спѣваймо, Христа прославляймо, (2)
Изъ Маріи рожденнаго смиренно благаймо:
Просымо Тя, Царю, небесный Владарю, (2)
Даруй лита счастливиі сему господарю
Въ мирѣ проводить, Тебѣ угодити, (2)
И съ Тобою въ царствѣ Твоемъ во вѣкъ вѣковъ жити.

Пѣсни эти позаимствованы изъ „Богогласника“, или „Сборника набожныхъ пѣснопѣній“, который содержитъ въ себѣ 57 разныхъ духовныхъ пѣсенъ на праздники Господскіе, Богородичныя и нѣкоторыхъ святыхъ. 26 изъ этихъ пѣсенъ переложены на ноты. Въ предисловіи къ Богосласнику замѣчается, что „эти пѣсни стали составляться и распространяться въ юго-западной Россіи еще въ то время, когда уніи здѣсь не было“; а монахи-базиліане составили изъ нихъ особый сборникъ, благодаря которому „отъ различныхъ стихотворцевъ и пѣснописцевъ искони сочиненныя, въ міръ изыдоша пѣсни“. Такимъ образомъ нельзя сомнѣваться въ ихъ русскомъ православному происхожденіи, и такъ какъ этими пѣснями укрѣплялась вѣра русскаго православнаго народа, то нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія этому сборнику, который въ новѣйшемъ своемъ изданіи отпечатанъ Холмскимъ православнымъ Братствомъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Очень желательно, чтобы всѣ колядники изучили эти приведенныя и другія пѣсни и распѣвали ихъ на Рождественскіе праздники. Этого можно достигнуть при участіи церковной школы, подъ руководствомъ учителя или псаломщика, которые заставятъ школьниковъ списать ихъ во многихъ экземплярахъ и распространить въ средѣ сельскихъ грамотеевъ, которые, имѣя въ рукахъ точный списокъ ихъ, при хожденіи съ колядой не будутъ ихъ коверкать и искажать подлиннаго текста. Въ будущемъ же слѣдовало бы обязать всѣ церковно-приходскія школы чрезъ Уѣздныя Отдѣленія Училищнаго Совѣта выписать Богогласникъ, какъ полезную книгу, во всѣ школы и руководствоваться ею въ потребныхъ случаяхъ, такъ какъ пѣсни эти, напоми-

ная всѣмъ о Богѣ и вѣчномъ спасеніи, возводятъ христіанскую душу къ горнему, божественному. А еще бы лучше было, если бы колядки наши были изданы особо съ переложеніемъ ихъ на ноты. Въ существующихъ нотныхъ сборникахъ колядокъ нѣтъ.

Да и пора, давно бы пора церковно-приходской школѣ, имѣющей въ каждомъ приходѣ, занять подобающее ей мѣсто въ селѣ,—стать, такъ сказать, на высотѣ своего призванія. Она призвана не только учить дѣтей, т. е. сообщать имъ нужныя и полезныя знанія, но и воспитывать—и это главное—черезъ дѣтей весь народъ въ добрыхъ нравахъ, христіанскомъ благочестіи. Поэтому весьма естественно желать, чтобы школа была какъ разсадникомъ всякихъ добрыхъ знаній въ народѣ, такъ и наставницей его во всѣхъ многообразныхъ отношеніяхъ житейскаго быта. Не говоря о всемъ прочемъ, обратимъ вниманіе на одну только сторону народной жизни—на праздничное времяпрепровожденіе простаго народа, его игры и развлеченія, его обычаи и повѣрья во время Рождественскихъ святокъ. Сколько здѣсь еще осталось слѣдовъ язычества! Какъ много суевѣрій и предрасудковъ! Сколько грубости и дикости допускается имъ въ праздничныхъ забавахъ! Какъ порочить христіанское общество рождественская „коза“ и новогодняя „маланка“! Почему бы церковной школѣ не взять на себя трудъ по мѣрѣ возможности облагородить народныя увеселенія и праздничныя развлеченія, искоренить языческіе предрасудки и дикія суевѣрія, проявляемыя особенно въ дни Рождественскихъ праздниковъ? Тогда бы школа и для темныхъ простолюдиновъ ясно обнаружила свою полезность для практической жизни, свою пригодность быть руко-

водительницей простаго народа даже въ разныхъ мелочахъ его малокультурной жизни. А какъ легко это сдѣлать! Требуется одно доброе желаніе послужить народу, принести ему посильную пользу—и ничего болѣе... Вотъ приближаются, напр., Рождественскіе святки. Какъ извѣстно, св. Церковь начинаетъ готовить своихъ чадъ къ достойной встрѣчѣ рожденнаго Христа еще со Введенія (21 ноября). Объ этомъ даже напоминаетъ священникъ въ своемъ церковномъ поученіи. Почему бы школьному учителю не начать съ этого дня готовить и своихъ учениковъ къ тому, какъ достойно нужно встрѣчать этотъ великій праздникъ и какъ по-христіански провожать его. Изъ частныхъ бесѣдъ съ учениками ничто не препятствуетъ ему узнать, какіе обряды и обычаи соблюдаются въ селѣ на св. вечеръ, на Новый годъ и Богоявленіе. Одни изъ нихъ, какъ христіанскіе и благочестивые, онъ могъ бы одобрить; другіе, какъ не имѣющіе никакого смысла и значенія, порицать. Одобреніе и порицаніе учителя много значитъ въ глазахъ учениковъ. Они могутъ объ этомъ передать своимъ родителямъ—и половина дѣла будетъ сдѣлана, если наведутъ ихъ на размышленіе объ этомъ. Тотъ же учитель въ ближайшій праздникъ могъ-бы устроить (воскресное) вечернее чтеніе въ школѣ, а Завѣдующій—внѣбогослужебныя собесѣдованія, и предметомъ того и другаго избрать повѣрья, суевѣрія и обрядность житейскую, соблюдаемую народомъ въ домашнемъ быту на Рождественскіе святки. Это могло бы утвердить народъ въ христіанскомъ взглядѣ на эти вещи и оттолкнуть его отъ языческихъ суевѣрій. Могъ бы школьный учитель узнать отъ дѣтей, какъ колядуютъ и щедруютъ въ селѣ

на святки. Замѣтивъ коверканіе словъ до измѣненія смысла набожныхъ пѣснопѣній, а также искаженіе ихъ напѣвовъ, долженъ бы позаботиться о томъ, чтобы обычныя колядки исправлены были по подлинному тексту, списаны всеѣми учениками и грамотеями въ селѣ, разучены и пѣлись-бы, какъ подобаетъ. При этомъ онъ долженъ установить и самый порядокъ христославленія: разучить со всеѣми учениками и пѣвцами изъ народа—колядниками—тропарь и кондакъ праздника и нѣсколько набожныхъ пѣсень, указавъ всеѣмъ, что грѣховно къ духовнымъ пѣснопѣніямъ присочинять что-либо свое. Ничего не помѣшало бы учителю, еслибы онъ самъ поруководилъ учениковъ въ устройствѣ приличной „звѣзды“ и отправился бы съ ними славить рожденнаго Христа къ почетнѣйшимъ прихожанамъ. Это могло бы снискать ему любовь и расположеніе и всего прихода, что очень важно въ учительской дѣятельности. Для отвлеченія народа и своихъ учениковъ отъ извѣстныхъ „козы“ и „маланки“ и разныхъ „ряженныхъ“, школьный учитель вмѣстѣ съ Завѣдующимъ и псаломщикомъ должны озаботиться на праздники устройствомъ въ школѣ чтеній съ свѣтовыми картинами, а также рождественской елки. На этихъ чтеніяхъ можно предлагать народу статьи не только религіозно-нравственныя и патріотическія, но—въ видахъ развлеченія—и изъ народнаго быта, иллюстрируя содержаніе ихъ картинами при фонарѣ Малиновскаго, представляющемъ то удобство, что на немъ и картина бумажная рельефно видна. Весьма полезно къ чтенію допускать и лучшихъ школьниковъ, что много бы льстило самолюбію ихъ родителей и располагало-бы послѣднихъ къ школѣ. Конечно, въ видахъ

разнообразія, чтенія должны перемежаться пѣніемъ, въ которомъ бы принимали участіе и присутствующіе мужчины и женщины. Желательно устройство этихъ чтеній возможно чаще, чтобы отвлечь народъ отъ грубыхъ мірскихъ забавъ. Наконецъ, ничто не препятствуетъ сельскимъ школьнымъ дѣятелямъ устроить въ школѣ рождественскую елку не только для школьниковъ, но и для всѣхъ дѣтей прихода, смыслъ и значеніе которой, конечно, предварительно должны быть имъ объяснены. Опыты подобнаго рода уже имѣли мѣсто въ нѣкоторыхъ школахъ, стоили очень немного, но принесли несомнѣнную пользу. Украшенная и освѣщенная елка притягивала къ школѣ все село; незначительная часть народа попадала въ школу; большая часть смотрѣла въ окна, а многіе наслаждались пѣніемъ и увеселеніемъ дѣтей на школьномъ дворѣ. Но что замѣчательно: въ такихъ приходахъ, гдѣ устроилась елка, навсегда потерялся у народа всякій интересъ къ „козѣ“ и „маланкѣ“. Мы не можемъ пожелать воскрешенія въ приходахъ ни нашего „вертепа“, ни великорусскаго „райка“, какъ средствъ развлеченій народа въ Рождественскіе святки, такъ какъ они, какъ кажется, отживаютъ уже свой вѣкъ; но и безъ нихъ школьные дѣятели cadaго села, при добромъ своемъ желаніи, могли бы доставить въ праздничное время какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ, много чистыхъ и невинныхъ наслажденій, которыя бы оставили свѣтлый неизгладимый слѣдъ въ сознаніи народа на долгое время, смягчивъ нравы и облагородивъ вкусы простолюдиновъ. Искренно желаемъ, чтобы здравые взгляды на рождественскія развлеченія чрезъ школу распространились и утвердились въ народѣ. Да поможетъ Господь всѣмъ въ этомъ благомъ дѣлѣ!